

XX $\frac{28}{6}$

1915

w 1-11

XV 28
6

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1915 г.

Годъ третій.

Выпускъ 1-й.

1915 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 10-лѣтіе
на 1915 г., журнала

на двухнедѣльн., роскошн. художеств.-литературный журналъ съ картинами въ краскахъ и новыми стильными украшениями

Пробужденіе

съ приложеніемъ художественн. премій по выдающимся образцамъ репродукцій, украшавшихъ павильоны: Англии, Бельгии, Россіи, Франціи и Японіи на мировой Лейпцигской выставкѣ печатнаго дѣла 1914 года

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 г.:

24 роскошн. выпуска журнала по образцу рѣдкихъ въ Европѣ художественныхъ изданій.

50 художеств. картинъ въ краскахъ, на паспарту автотипи, барельефы и др.

12 книгъ, въ 3-хъ изьящ. переплетахъ съ золот. тиснен. юбилейн. собран. сочинен. (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.** Романы, рассказы, стихотвор. и др. Единств. собран. соч. Михайлова, даровитаго писателя, сослани. какъ дѣтеля освободит. движ., въ Сибирь, въ рудники; было издано въ 1867 г., но, до выхода въ свѣтъ, подверглось аресту и предано сожженію.

— Цѣнныя художественныя преміи: —

Два художественныхъ украшенія гостиной:

1. АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ въ стилѣ Людовика XVI-го. Картина на атласѣ французскаго художника Буше.

2. ПОСЛѢ ТАНЦА. Стѣнной горельефъ. Рельефная картина (имитация мраморн. фигуры) англійскаго художника Годварда.

Роскошныя украшения столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Морскіе окуни“.

Съ бельгійской репродукціи Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ, бронзовыхъ фигуръ и дубоваго дерева.

ИЗЪЯШНЫЯ СТИЛЬНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

ДѢВУШКА СЪ ГОЛУВЯМИ. ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ русскаго Императорскаго Эрмитажа, художника Ш. Шапленъ. Размѣръ 47×68 сантиметровъ.

Стильный японскій альбомъ (Японскія ширмочки) съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ на крышкахъ мозаики и золотыхъ украшеній.

Большая, роскошная стѣнная картина въ краскахъ знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голіке и Вильб. Стоимость картины въ худож. магазинахъ 35 р. Разм. 62×80 с.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНИЕ 10-ЛѢТІЯ „ПРОБУЖДЕНІЯ“ БУДЕТЪ ВЫДАНА грандіозная, аллегорическая картина въ краскахъ извѣстн. худож. **ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ** ф. Пейслера. Размѣръ картины 63×88 с.

Величественная, полная поэзіи и чарующей гармоніи красокъ, французская репродукція картины привлекала къ себѣ толпы посѣтителей на всемирной выставкѣ. Стоимость репродукцій въ худож. магаз. 75 и не менѣе 45 р.

Подписная цѣна на юбилейное изданіе:

На годъ **9 р.;** на первое полугодіе **4 р.;** на второе полугодіе **5 р.**

На меньшіе сроки подписка не принимается.

Пробный № высылается за 40 к. почтовыми марками.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“,

Петроградъ, Невскій, 114.

Ред.-Изд. Н. В. Корещій.

А. Сорнъ

XV-112

Хлѣбъ нашъ засушный.

1-го января 1915 г.

Жаворонокъ.

XV 112

МОЛИТЕСЬ, ДѢТИ...

Молитесь, дѣти, за отцовъ,
За вашихъ братьевъ, что далече
Ушли на поле грозной сѣчи,
Гдѣ смерть грозитъ со всѣхъ концовъ.
Молитесь, и Господь благой
Услышитъ чистыя молитвы,
Онъ сохранитъ на полѣ битвы
Тѣхъ, что ушли на грозный бой;
Тѣхъ, что среди чужихъ дорогъ
Идутъ, не зная утомленья,
Пусть ихъ спасетъ премудрый Богъ
И ваши чистыя моленья!

Юрій Zubовскій.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

ЖАВОРОНОКЪ.

Словно колокольчикъ маленькій и нѣжный,
Жаворонокъ тонетъ въ синевѣ безбрежной,
Тучки разбѣжались, далеко ненастье,—
И звенитъ онъ пѣсни свѣтлыя о счастье.

Но сегодня радъ я на цвѣтущемъ полѣ
Отдохнуть немного, подышать на волѣ,
Пашни ароматомъ острымъ опьяниться,
И хоть на мгновенье свѣтлымъ сномъ забыться...

День сияетъ тихій—далеко ненастье,
И поетъ мнѣ снова пѣсенку о счастье
Жаворонокъ звонко въ синевѣ безбрежной,
Словно колокольчикъ маленькій и нѣжный.

Владиміръ Юнусовъ.

Мурильо.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПАСТУХЪ.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

Не-нѣмка.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Это былъ ужасно тяжелый обѣдъ.

Но какъ бы тутъ не поняли дурно! Онъ былъ тяжелый, но совсѣмъ не потому, что на жаркое были куропатки, къ которымъ Ляся питала непобѣдимое пристрастіе и съѣла цѣлую, а на сладкое—меренги со сливками, которыхъ она тоже не могла обидѣть. Нѣтъ, это пустяки. Тутъ были причины серьезныя и важныя.

Утромъ, часовъ въ одиннадцать, папа, передъ тѣмъ, какъ уѣхать на службу, имѣлъ съ мамой разговоръ и при томъ особенный, то-есть, значить, не въ столовой, гдѣ онъ пилъ кофе и ѣлъ холодную телятину, и не въ гостиной, а въ кабинетѣ, куда онъ позвалъ маму и, когда мама туда вошла, сказалъ:

— Притвори хорошенько дверь!—и дверь плотно затворилась.

Разговора Ляся не слышала, но когда мама вышла изъ кабинета, то у нея было растерянное лицо. И потомъ, когда папа уѣхалъ, она долго ходила то по одной комнатѣ, то по другой, и все какъ будто хотѣла начать что-то дѣлать, но не могла.

Возьметъ книжку, чтобы читать, взглянетъ на первую страницу и отложить. Бралась за какое-то шитье, но сейчасъ-же оставила.

Ляся около нея вертѣлась, зачѣмъ-то приставала къ ней, но она, сверхъ обыкновенія, не только не ласково, а даже сурово сказала ей:

— Ахъ, не вертись, пожалуйста... Сядь гдѣ-нибудь и что-нибудь дѣлай.

Лясѣ это было очень непріятно, потому что она къ этому не привыкла. Ляся была любимица и мамина, и папина. Съ нею всегда обращались нѣжно, бережно, ну, вотъ такъ, какъ будто боялись, что она отъ строгаго обращенія распадется на мелкіе кусочки.

Диму тоже, разумѣется, любили, но Дима, во-первыхъ, былъ старше ея на цѣлыхъ два года, именно: ему было двѣнадцать лѣтъ, и онъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи; во-вторыхъ, онъ былъ мальчикъ, а, значить, существо,

менѣе нѣжное и хрупкое, чѣмъ она. И, въ-третьихъ, съ нимъ не было такого случая, какъ съ Лясей, когда она, два года тому назадъ, шесть недѣль пролежала въ постели. Простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкаго.

Боже мой, что тогда было! Что сдѣлалось съ мамой, какъ она, бѣдняжка, измаялась и похудѣла, и даже папа, на что ужъ мужчина, да еще такой крѣпкій, здоровый и высокій ростомъ и важный человѣкъ (Дима говорилъ ей, что папа «дѣйствительный статскій совѣтникъ» и что это очень хорошо), такъ и онъ ходилъ, какъ потерянный, забывалъ обѣдать и нѣсколько разъ даже на службу не ѣздилъ.

Послѣ этого Ляся стала такая слабенькая, что было рѣшено еще года четыре не отдавать ее въ гимназію и понемножку учить дома. Она сдѣлалась блѣдная и нервная и—что ужъ тутъ скрывать, надо все говорить! — порядкомъ-таки капризная. И ее боялись разстраивать и огорчать.

И на этотъ разъ мама, должно быть, сама была очень ужъ разстроена и у нея это сорвалось. Но Ляся не обидѣлась и сейчасъ-же пошла въ свою комнату, гдѣ обыкновенно фрейленъ Фрида занималась вышиваніемъ какихъ-то гарусныхъ шарфовъ.

Ужъ фрейленъ Фрида приметъ ее ласково, въ этомъ она ни на минуту не сомнѣвалась.

Но и тутъ ей не повезло. Фрейленъ Фрида даже шарфа не вышивала, а сидѣла у стола, поставивъ на него локти, и подперла щеки ладонями.

Это было изумительно. Фрейленъ Фрида ничего не дѣлала, сидѣла и смотрѣла въ одну точку на стѣнѣ,—просто нельзя было этого себѣ представить.

Фрейленъ Фрида всегда съ чѣмъ-нибудь возилась, шила или вышивала или вязала, а то на кухнѣ учила кухарку дѣлать пирожное, какое дѣлаютъ у нихъ въ Дрезденѣ, такъ какъ она родомъ изъ Дрездена.

Ее оттуда «выписали». Да, это такъ называлось. Правда, это было уже давно, лѣтъ, должно быть, семь тому назадъ, и Ляся даже не помнитъ такого времени, чтобы у нихъ въ домѣ не было Фриды. Когда она стала понимать то, что дѣлается вокругъ, то увидѣла Фриду и весь остальной міръ.

Фрида была связана съ каждымъ шагомъ ея жизни, она рѣшительно во всемъ участвовала. и, когда Ляся была больна и всѣ боялись, что она не выдержитъ и умретъ, то Фрида не отходила отъ ея постели, ставила ей градусникъ, держала на головѣ пузырь со льдомъ и все, все дѣлала Фрида.

И потому жизнь представлялась ей какимъ-то страннымъ образомъ связанной съ Фридой, вотъ какъ чай—онъ непременно съ сахаромъ, а безъ сахара—вѣдь, это-же Богъ знаетъ что такое.

А когда Ляся приглядѣлась къ лицу Фриды, то ужъ совсѣмъ не знала, какъ ей и быть: у Фриды были красныя вѣки и подъ ними, на щекахъ, мокро. Она подбѣжала къ ней и взяла ее за руку.

— Фрейленъ Фрида, да что-же это такое? Почему ты плачешь?

Она произнесла это по-нѣмецки, потому что фрейленъ Фрида для того и существовала, чтобы они оба, Ляся и Дима, хорошо умѣли говорить по-нѣмецки.

— Нѣтъ, почему? Почему?—настойчиво спрашивала она, стараясь поближе заглянуть въ лицо Фриды, а Фрида подняла голову и повернула лицо въ сторону.

Это понятно: она не хотѣла, чтобы Ляся видѣла ея заплаканные глаза. Но вотъ что странно, нѣтъ, это даже поразительно: что Фрида, которая для того и

существовала, чтобы они хорошо говорили по-нѣмецки, отвѣтила ей по-русски— очень правильно, но видно было, что она подумала это по-нѣмецки, а потомъ перевела на русскій языкъ.

— О, мое милое дитя, я не могу... О, я не могу сказать это... Но я больше не буду плакать, и мы будемъ читать вотъ эту русскую книгу.

— Но, фрейленъ Фрида, мы вчера начали читать нѣмецкую!—попробовала было возразить Ляся, но фрейленъ Фрида сказала съ той твердостью, какая только ей одной была свойственна и которая такъ хорошо умирjala Лясю, когда она капризничала.

— Сегодня мы будемъ читать русскую книгу, которую твой папа подарилъ тебѣ въ день твоего рожденія.

И опять по-русски и снова это былъ переводъ съ нѣмецкаго.

Фрейленъ Фрида вытерла глаза и щеки, онѣ усѣлись за столъ, и Ляся начала плачевнымъ голосомъ читать русскую книгу.

Плачевность, впрочемъ, не относилась къ книгѣ. Сама по себѣ книга была даже веселая. Но все это, особенно разговоръ папы съ мамой въ кабинетѣ и мамина нервность и слезы Фриды—не обѣщало ничего хорошаго.

Но оказалось, что худшее было еще впереди. И четверти часа не прошло съ той минуты, какъ они начали читать русскую книгу, какъ отворилась дверь и вошла мама.

— Я вамъ не очень помѣшаю, фрейленъ Фрида?

Фрейленъ Фрида вскочила съ мѣста и начала почему-то усиленно увѣрять маму, что она нисколько, ни капельки не помѣшала. И обѣ были взволнованы, какъ будто имъ предстояло вмѣстѣ сдѣлать что-то непріятное и тяжелое.

Ну, и сейчасъ-же это такъ и вышло. Мама подошла къ Лясѣ, приласкала ее, поцѣловала въ голову и сказала мягкимъ-премягкимъ голосомъ:

— Дѣточка, оставь насъ съ фрейленъ Фридой на нѣсколько минутъ,—намъ надо поговорить.

Ляся, опустивъ руки и повѣсивъ голову, вышла изъ комнаты, а вслѣдъ за нею осторожно, беззвучно, но плотно притворилась дверь. Ляся, конечно, и тутъ ничего не слышала.

Когда разговоръ кончился и мама съ красными пятнами на лицѣ вышла изъ дѣтской, фрейленъ Фрида начала плакать и такъ сильно, что не могла остановиться. Подходила къ окну, ложилась на диванъ, закрывала лицо руками, даже пробовала промывать глаза холодной водой, но ничто не помогало, слезы лились изъ глазъ, какъ будто тамъ открылся какой-то родникъ.

А когда Ляся подходила къ ней и спрашивала, почему она плачетъ, или пыталась успокоить ее, нѣжно глядя ее по рукамъ и по волосамъ, то плачь переходилъ въ рыданія.

И такъ это все продолжалось часа два, когда, наконецъ, Фрида перестала плакать, но разговорчивѣй не сдѣлалась ни капли. Только сказала шопотомъ по-нѣмецки:

— Милая дѣтка, оставь меня немножко полежать! У меня голова болитъ.

И Ляся тихонько, на ципочкахъ, вышла, уважая Фридину головную боль. Но тутъ случилось еще новое. Ужъ такой это былъ несчастный день.

Пришелъ изъ гимназіи Дима и еще въ передней, снимая со спины ранецъ, началъ громко рассказывать, какъ у нихъ въ гимназіи освистали учителя нѣмецкаго языка.

— Вот свистали-то!—громко, своимъ звучнымъ голосомъ докладывалъ онъ,—совсѣмъ, какъ локомотивы на желѣзной дорогѣ!

— А за что?—спросила Ляся, несовсѣмъ даже понимавшая то, о чемъ онъ говорилъ.

— Какъ за что? А за то, что онъ нѣмецъ...

Въ это время мама выглянула въ переднюю и, едва успѣвъ Дима отчеканить послѣднее слово, какъ она взяла его за руку и потащила въ свою комнату. Ляся тоже побѣжала туда.

— Зачѣмъ ты говоришь это такъ громко, Дима? Какъ тебѣ не стыдно!.. И почему вы его освистали? Вы еще дѣти и вамъ не слѣдуетъ быть такими грубыми. Развѣ онъ злой, этотъ учитель?

— О, нѣтъ... Онъ былъ совсѣмъ не злой... Онъ всегда ставилъ четверки и пятерки. Но онъ оказался германецъ, и его уволили, даже, кажется, высылаютъ.

— Ну, положимъ... Пусть... Должно быть, такъ надо, это не наше дѣло. Но какъ-же ты, милый Дима, громко кричишь объ этомъ; когда у насъ въ домѣ фрейленъ Фрида?

— Фрейленъ Фрида?—спросилъ Дима съ искренно удивленными глазами:— а что-же ей отъ этого?

— Но какъ что? Ты уже большой мальчикъ и не понимаешь... Фрейленъ Фрида, она тоже нѣмка и... и германка...

Дима схватился за голову. Въ сущности, это было такъ ясно, и онъ зналъ что Фрида нѣмка и для того и существовала, чтобы учить ихъ нѣмецкому языку, на которомъ, какъ папа говорилъ, писали великіе поэты Гете и Шиллеръ (которыхъ ни онъ, ни Ляся еще не читали), и зналъ онъ, что она была «выписана» изъ Дрездена и, слѣдовательно, германка. Но какъ-то и въ голову ему не могло придти причислить ее къ тѣмъ, которыхъ увольняютъ, высылаютъ, свищутъ, однимъ словомъ къ тѣмъ, которые враги. Фрейленъ Фрида—врагъ, непріятель? Нѣтъ, такъ даже нельзя и подумать. Фрейленъ Фрида—прелесть, сама заботливость, вниманіе, ну, однимъ словомъ, фрейленъ Фрида, это—фрейленъ Фрида.

Дима былъ страшно сконфуженъ и уже готовъ былъ сейчасъ-же идти въ дѣтскую, извиняться передъ фрейленъ Фридой, сказать ей, что онъ никакъ не думалъ и не воображалъ, и вообще объясниться съ нею въ своихъ чувствахъ.

Но мама остановила его:

— Нѣтъ, Дима, не ходи... И ты, Ляся... Вотъ что, дѣти, я должна поговорить съ вами. Притвори двери, Димочка!

Ну, ужъ эти слова для Ляси кой-что значили; они были ей хорошо знакомы. Сегодня цѣлый день только и дѣлали, что притворяли двери и тихонько разговаривали. Утромъ—папа съ мамой, и мама вышла разстроенная, потомъ мама съ Фридой—и Фрида послѣ этого два часа плакала. Ну, а теперь опять, и кто будетъ плакать, неизвѣстно.

А мама сѣла въ кресло, взяла ихъ обоихъ за руки и привлекла ихъ къ себѣ.

— Слушайте, дѣти, вы знаете, что у насъ война. Вы должны уже понимать, что это большое несчастье для нашей страны. И, такъ какъ нѣмцы наши враги, то ихъ всѣхъ теперь выселяютъ на ихъ родину. Вотъ и учителя твоего, Дима, тоже, можетъ быть, вышлютъ, хотя онъ, какъ ты самъ говоришь, добрый человекъ.

— Да, онъ добрый, мама,—подтвердиль Дима,—онъ такой тихій-тихий. Мы ему всякія штуки устраивали, а онъ ничего, только улыбается...

— Ну, вотъ видишь; а его выселяютъ,—значить, такъ надо.

— А за что-же его, если онъ добрый?—промолвила Ляся.

— Ну, такъ... Не злыхъ только, а и добрыхъ,—это все равно.. Онъ—германецъ, значить, и надо, чтобы онъ былъ въ Германіи. Но онъ намъ посторонній человѣкъ, а фрейленъ Фрида, она съ вами возилась семь лѣтъ. Лясю она взрастила, она сдѣлалась у насъ, какъ родная, и, кромѣ того, у нея въ Дрезденѣ никого нѣтъ. Тетка тамъ какая-то двоюродная, которая ее и знать не хочетъ. А между тѣмъ... Между тѣмъ, дѣти мои, фрейленъ Фриду тоже вышлютъ...

Дѣти пришли въ сильное волненіе. Какъ? Фрейленъ Фриду вышлютъ? Но какъ же это возможно? То-есть какъ возможно, чтобы они остались безъ фрейленъ Фриды? Но этого нельзя даже представить. Особенно Ляся, она, только услышавъ объ этомъ, уже вся дрожить и глаза ея полны слезъ.

— Но папа, папа... Развѣ папа это допустить?—говорить она, уже вотъ-вотъ готовая разрыдаться.

А Дима объявляетъ:

— Папа дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ все можетъ.

Мама на это усмѣхнулась.

— Ну, положимъ, далеко не все. Конечно, папа могъ-бы просить за фрейленъ Фриду, но ему это неудобно. Онъ на службѣ, онъ человѣкъ подчиненный, это можетъ не понравиться его начальнику и повредить ему. Въдь, вы-же не хотѣли-бы, чтобы папѣ что-нибудь повредило, и онъ, вмѣсто повышенія, получилъ-бы выговоръ...

Мама не докончила своей рѣчи, потому что въ это время въ передней позвонили. Это былъ знакомый звонокъ папы. Въ это время онъ всегда пріѣзжалъ со службы, и сейчас-же сѣли за обѣдъ. Правда, на этотъ разъ оказалось, что столъ не накрытъ и закуска не приготовлена. И это понятно: обо всемъ этомъ заботилась фрейленъ Фрида, а сегодня она все время плакала. Мама начала торопить прислугу, и кой-какъ все это было устроено. Вотъ тутъ и начался тотъ ужасный тяжелый обѣдъ.

Всѣ были тутъ, всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ и всѣ молчали. У папы лицо было скучное, какъ, должно быть, скучны всѣ бумаги, которыя онъ каждый день писалъ на службѣ. Мама волновалась и все роняла изъ рукъ—то ножъ, то вилку, то хлѣбъ. Фрейленъ Фрида сидѣла блѣдная, а лицо у нея было вытянутое.

Съ Лясей же произошла престранная исторія: она испытывала самое глубокое горе, какое только можно представить, но совершенно не могла устоять передъ куропаткой и передъ меренгами. Да вотъ, подите-же! Въ сердцѣ—настоящее отчаяніе, едва удерживается отъ слезъ; а въ то-же время съ величайшимъ аппетитомъ уплетаетъ куропатку, а, когда дошла до нихъ очередь, и меренги.

Но зато послѣ этого,—когда она проглотила послѣднюю каплю пирожного, и вспомнила о фрейленъ Фридѣ и предстоящей ей судьбѣ,—ей вдругъ сдѣлалось плохо. Папа взглянулъ на нее и вскочилъ съ мѣста.

— Ляся... Что съ Лясей?

И мама вскочила. Оба подбѣжали къ ней. У нея не было ни кровинки въ лицѣ. Щупали пульсъ, прикладывали ладони къ ея лбу, спрашивали, что она чувствуетъ, но Ляся, вмѣсто отвѣта, скривила губы и начала плакать, да все

Мери С. Керъ.

Урокъ куклѣ.

больше и громче, потомъ плачь перешель въ рыданія, она вся дрожала и задыхалась.

Страшная поднялась тревога. Лясю унесли въ спальню, раздѣли, уложили въ постель, папа звонилъ въ телефонъ, говорилъ съ докторомъ, а черезъ полчаса прѣхаль и докторъ.

— Докторъ... Ради Бога... Съ ребенкомъ что-то ужасное... спасите ее...

Это говорилъ папа, который растерялся такъ, какъ будто-бы онъ былъ не мужчина, да еще такого крѣпкаго здороваго вида и высокаго роста.

Но дѣло въ томъ, что онъ безумно любилъ Лясю и страшно боялся за ея жизнь.

Ну, ужъ это само собою разумѣется, что надъ постелью Ляси стояла Фрида, ставила термометръ, держала за руки Лясю, гладила ея волосы и всячески успокаивала ее.

Термометръ показали самые пустяки, что-то на двѣ десятыя выше того, что полагается. Но папа ничего этого не видѣлъ и не принималъ въ расчетъ. Лицо его было блѣдно, и онъ самъ, у себя въ кабинетѣ, уже, кажется, поплакалъ.

Докторъ недоумѣваль. Онъ, было, заикнулся что-то насчетъ куропатки и не слишкомъ-ли много было съѣдено пирожнаго, но Ляся, услышавъ это обидное подозрѣніе, подняла новый ревъ, и папа укоризненно покачалъ головой по адресу доктора. Тогда доктору не оставалось ничего, какъ свернуть все на нервы.

Онъ прописалъ дѣвчкѣ какія-то капли, посоветовалъ обращаться съ нею нѣжно и не раздражать ее, и уѣхалъ.

И вотъ папа стоитъ надъ Лясиной постелью, а фрейленъ Фрида за чѣмъ-то вышла. Папа нѣжно смотритъ на свою любимицу и говоритъ:

— Дѣвочка моя... ты только скажи, чего тебѣ хочется. Ну, все, все, что только ты хочешь, сдѣлаю, только-бы ты не страдала...

Тутъ Ляся вдругъ почувствовала силу, привстала и схватила его за руку.

— Ничего не хочу, ничего, ничего... Но пусть фрейленъ Фрида останется... Она—не нѣмка... Она — фрейленъ Фри-и-и-да...

И опять рыданія.

Ну, разумѣется, папа даже и секунды не подумалъ.

А на другой день, скрѣпя сердце, поѣхалъ, куда слѣдуетъ, и похлопоталъ, чтобы фрейленъ Фрида была оставлена въ Петроградѣ.

И это было устроено безъ всякаго труда. Въ тотъ-же день Ляся встала съ постели. Силы ея быстро въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ возстановились и даже на щекахъ появился нѣжный румянецъ удовольствія.

И. Потапенко.

НЕПРОШЕННАЯ ГОСТЬЯ.

Забытое слово.

Разсказъ А. Коморской.

То, о чемъ я хочу разсказать вамъ, мои дорогіе читатели и читательницы, происходило очень-очень давно, во времена глубокой, сѣдой древности.

Люди были тогда очень добры и жили очень счастливо. Всѣ звѣри, птицы и насѣкомыя жили въ мирѣ между собой, не трогали людей и люди ихъ не обижали.

Тогда существовали также волшебники и волшебницы. Они спускались на землю съ своихъ облаковъ, вмѣшивались въ людскія дѣла и очень любили, когда короли и королевы приглашали ихъ крестить прекрасныхъ принцевъ и принцессъ. При крещеніи они одаривали ихъ всевозможными благами.

И вдругъ случилось однажды, что та страна, о которой идетъ рѣчь, очень разсердила одну волшебницу,—чѣмъ разсердила, объ этомъ преданіе ничего не говоритъ; извѣстно только, что волшебница вернулась домой сильно разгнѣванная.

Она заперлась въ своей высокой башнѣ, куда никто изъ приближенныхъ не смѣлъ проникнуть, и стала придумывать, какой казни подвергнуть провинившуюся передъ ней страну.

Волшебница была очень могущественна. Она могла заставить выйти изъ береговъ всѣ моря и рѣки и потопить несчастную страну, могла послать на людей страшный морь, который въ нѣсколько дней уничтожилъ-бы въ странѣ все живое, могла нагнать и засуху, которая спалила-бы всѣ поля и посѣвы и люди умерли-

бы съ голоду, но всё эти казни казались волшебницѣ слишкомъ кратковременными и ничтожными.

Она хотѣла придумать такое наказаніе, которое тянулось-бы долгое время, и о которомъ не могли-бы вспомнить безъ страха даже потомки оскорбившихъ ее людей.

Волшебница думала и не могла ничего придумать. Она кусала свои прекрасныя алыя губки, топала очаровательной ножкой и чуть не плакала отъ досады.

Но вдругъ лицо ея прояснилось, глаза сверкнули огнемъ—она избрѣла такую казнь, въ которой совмѣщались почти всё, придуманныя ею раньше.

Взлетѣвъ на воздухъ, она махнула надъ злосчастной страной своей волшебной палочкой, и въ тотъ-же мигъ у всѣхъ обитателей этой страны вылетѣло изъ головы и забылось одно слово.

Волшебница, очень довольная, вернулась въ свой замокъ и стала ждать.

Вскорѣ въ злосчастной странѣ стало происходить что-то весьма странное: люди точно переродились. Всѣ стали злобно, недовѣрчиво и подозрительно относиться другъ къ другу. Въ какой-бы бѣдѣ ни очутился человѣкъ, онъ не рѣшался почти попросить у кого-нибудь помощи,—не рѣшался потому, что зналъ навѣрно—никто не захочетъ помочь ему. Дѣти не слушались родителей, а родители не жалѣли своихъ дѣтей.

Слезы бѣдняковъ никого не трогали, появились нищіе, которыхъ раньше въ этой странѣ никогда не было, но никто не хотѣлъ подавать имъ милостыни, хотя-бы на одинъ кусокъ хлѣба, и нищіе мерли, какъ мухи. Вереницы гробовъ тянулись по улицамъ.

Народилось множество воровъ, которые грабили и убивали богатыхъ людей, такъ что богачамъ стало очень худо и даже страшно жить на свѣтѣ.

И много-много всякихъ бѣдствій, которыхъ и перечестъ невозможно, обрушилось на несчастную страну, а злая волшебница носилась надъ землей и радовалась, глядя на человѣческія страданія.

Но вотъ однажды, пролетая черезъ густой лѣсъ, волшебница увидѣла маленькую дѣвочку. Она сидѣла подъ большимъ раскидистымъ дубомъ и горько плакала.

Дѣвочка эта была необыкновенно прекрасна. Длинные золотистые локоны покрывали почти все ея худенькое тѣльце, большіе голубые глаза были подняты къ небу и изъ нихъ катились крупныя слезы.

Въ сердцѣ волшебницы вдругъ шевельнулась жалость. Она спустилась на землю и, подойдя къ бѣдной дѣвочкѣ, дотронулась до нея своей палочкой.

Дѣвочка вздрогнула и со страхомъ взглянула на волшебницу.

— Что съ тобой, бѣдное дитя, о чемъ ты плачешь?—ласково спросила у нея волшебница.

— Меня выгнали изъ дому, потому что у папы и мамы много еще другихъ дѣтей, кромѣ меня, и они очень бѣдны... Теперь я не знаю, куда идти и что дѣлать,—отвѣчала бѣдняжка и громко зарыдала.

У волшебницы никогда не было дѣтей, и ей вдругъ представилось, какъ хорошо будетъ, если она возьметъ эту бѣдную дѣвочку въ свой замокъ и замѣнитъ ей мать.

— Не плачь больше, прекрасное дитя,—сказала волшебница и, дотронувшись до головы дѣвочки своей магической палочкой, она погрузила ее въ глубо-

кій сонь. Затѣмъ, вызвавъ своихъ служителей, она приказала имъ отнести бѣдную дѣвочку въ свой замокъ.

Тамъ она окружила ее царственной роскошью, но ни божественные напитки, сдѣланные изъ тонкихъ ароматовъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, ни танцы прекрасныхъ фей, ни волшебныя картины, вызываемыя волшебницей передъ глазами дѣвочки, ни чудесныя лакомства не могли разсѣять грусти прекраснаго ребенка. Ея личико оставалось печальнымъ, и когда волшебница цѣловала и ласкала ее, она съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее своими большими голубыми глазами.

Наконецъ, волшебница поняла, что прекрасный ребенокъ не можетъ полюбить ее, потому что онъ заколдованъ ею, какъ и всѣ прочіе жители несчастной страны, и, догадавшись объ этомъ, волшебница воскликнула съ отчаяніемъ:

— Я не могу больше видѣть, какъ ты грустишь, бѣдное дитя... Будь-же счастлива... Ступай на землю и пусть люди вспомнятъ то с л о в о, которое я изъ мести вынула изъ ихъ памяти.

Едва волшебница успѣла сказать это, какъ надъ страной сверкнула ослѣпительная молнія, и люди встрепенулись, точно послѣ долгаго, тяжелаго сна...

Воздухъ вдругъ огласился ликующими кликами, вырвавшимися изъ тысячъ грудей, люди съ радостными лицами обнимали и привѣтствовали другъ друга.

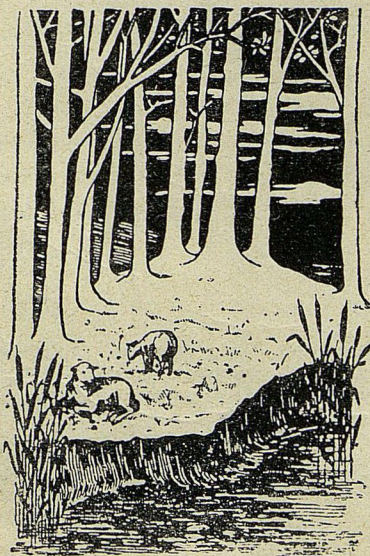
Богачи раскрыли свои кошельки, и на бѣдняковъ посыпалась щедрая помощь. Воры и грабители шли толпами въ судъ и, горько плача, просили казнить ихъ за содѣянные преступленія, но прощенные и оправданные судьями возвращались домой, давая себѣ и другимъ клятвенныя обѣщанія снова сдѣлаться честными людьми.

Вся страна обновилась и расцвѣла, словно вспрыснутая живой водой...

Что-же это было за с л о в о, забывъ которое люди испытали столько всякихъ бѣдствій и страданій?

Это прекрасное слово было — л ю б о в ь.

А. Коморская.

НА ЧУЖОЙ КВАРТИРЪ.

Даревна Миловзора.

Комедія-сказка. Соч. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Дѣйствующія лица:

Царь Добромысль.
Царица Гордана.
Царевна Миловзора,
дочка ихъ.

Принцъ Алмазь.
Опаль
Сафирь
Жемчугъ

Его свита.

Принцъ Колокольчикъ.
Роза

Сирень
Одуванчикъ

Его свита.

Вѣстники, Слуги, При-
дворные, Народъ
и т. д.

(Дѣйствіе происходитъ въ сказочномъ царствѣ, въ тридевятомъ государствѣ. Царь, грустный и озлобленный, сидитъ въ золотомъ креслѣ. У него сѣдые кудри, а въ рукахъ золотой скипетръ. Къ нему подходитъ Царица).

Ц а р и ц а.

Что, мой царь, ты загрустилъ?
Бѣлый свѣтъ тебѣ не милъ:
Пряниковъ не кушаешь печатныхъ,

Словъ моихъ не слушаешь пріятныхъ.
Не глядишь ты на меня,
Ночь не спишь до бѣла дня!
Ну, скажи, о чемъ-же ты скучаешь?

Ты чего, мой добрый царь, желаешь?
Наше царство велико,
Въ немъ живетъ всѣмъ легко.
Наша дочка — солнышка милѣ,
Наша дочка — ландыша бѣлѣ...
А тебѣ весь свѣтъ не милъ!
Что-жь, мой царь, ты загрустиль?

Ц а р ь.

Эхъ, царица, въ чемъ моя тревога—
Я тебѣ открою, наконецъ:
Не долга теперъ моя дорога—
А уныль и грустенъ мой дворецъ!
Наша дочь — царица Миловзора—
По сердцу не хочеть мужа взять!
Я умру... Какъ знать? Быть можетъ,
скоро...
Какъ вамъ жить однѣмъ? Какъ управ-
влять?

Ц а р и ц а.

Милый царь, о смерти думать рано!

Ц а р ь.

Нѣтъ, мой другъ царица, я ужъ старъ:
Мнѣ не надо добраго обмана—
Я готовъ... И смерть приму, какъ даръ.
Но... Когда-бы зналъ я, умирая,
Что на друга оставляю васъ,
Что и ты, и дочка дорогая
Не однѣ — спокойно-бъ я угасъ!
Но когда-бы лаской дѣтскихъ ручекъ
Передъ смертью былъ я награжденъ...
Ахъ, царица! Мнѣ такъ нуженъ вну-
чекъ,

Чтобъ ему оставить жизнь и тронъ.

Ц а р и ц а.

Такъ оставь заботу, милый:
Я съ царевной говорила,
И, покорствуя судьбѣ,
Больше ждаты она не будетъ,
Все упрямство позабудеть,
Подчинившись тебѣ.
Нынче-жь, съ сѣвера и съ юга,
Къ намъ ты принцевъ созови,
Чтобъ могла себѣ супруга
Выбрать дочка по любви!
Ц а р ь (вскакивая отъ радости съ кресла
и обнимая царицу).
Что за радость! Ахъ, царица,
Ты утѣшила меня!

Такъ давай-же веселиться,
Пировать до бѣла дня!
(Хлопаютъ въ ладоши, созываетъ слугъ, вѣст-
никовъ. Глашатаи разсыпаются повсюду,
трубятъ въ трубы и провозглашаютъ).

Г л а ш а т а и.

Эй, скорѣй на царскій пиръ
Созываетъ царь весь мѣръ! Царская
воля!

Слушайте, слушайте царскій приказъ:
Кого здѣсь изъ васъ
Ждетъ счастливая доля?
(Собирается народъ, глашатаи имъ объ-
ясняютъ):

Наша царица сегодня должна
Выбрать наследника трону:
Вмѣстѣ съ любовью — счастливцу она
Дастъ золотую корону!

(Народъ радуется).

Ц а р ь (хлопоча).

Гдѣ плодовъ заморскихъ блюда?
Гдѣ коврижекъ сладкихъ грудъ?
Подавайте намъ вина!

Медомъ льются пусть фонтаны!

Громче, флейты, барабаны!

Гдѣ-жь царица, гдѣ она?

(Музыка. Слуги вносятъ груды сладостей.
Сходятся придворные. Царь ведетъ царицу
за руку на золотой тронъ, гости усаживаются).

П р и д в о р н ы й (докладываетъ).

Вотъ царица Миловзора,

Наша свѣтлая звѣзда,

Въ блескѣ пышнаго убора

Къ намъ является сюда!

(Появляется Миловзора).

П р и д в о р н ы е.

Привѣтъ царицѣ Миловзорѣ!

Узнавъ ее, забудешь горе!

Ю н о ш и.

Привѣтъ царицѣ Миловзорѣ!

Ея глаза синѣй, чѣмъ море!

Н а р о д ь.

Привѣтъ, привѣтъ, о Миловзора,

Привѣтъ тебѣ, ты радость взора!

(Царица ласково кланяется. Царь усажи-
ваетъ ее рядомъ съ собой).

Ц а р ь.

Дочь моя! Садись со мною рядомъ.

Обведи своимъ лазурнымъ взглядомъ
Всѣхъ, кого ты видишь здѣсь.

Пусть счастливцу радость рокъ при-
судить:

Кто изъ нихъ тебѣ по сердцу будетъ—
Ты обдумай, оцѣни и взвѣсь!
(Появляется, блестя золотой кольчугой, въ
сопровожденіи пышной свиты, принцъ
Алмазь).

П р и д в о р н ы й.

Къ намъ жалуется знатнѣйшій принцъ
Алмазь!

(Показывается другой принцъ — Колокольчикъ. Его нарядъ точно сотканъ изъ цвѣ-
точныхъ лепестковъ; свита его, какъ живые
цвѣты).

П р и д в о р н ы й.

Принцъ Колокольчикъ хочетъ видѣть
васъ!

Ц а р ь.

Привѣтъ мой, принцы!

Принцъ Алмазь и принцъ Коло-
кольчикъ (вмѣстѣ).

Государь! Царица! (Кланяются).

Ц а р и ц а.

Пожалуйте, я васъ прошу садиться!

Алмазь (гордо встряхивая головой).

Царь! Я пришелъ прекрасной Мило-
взорѣ

Мою корону съ царствомъ поднести!
Колокольчикъ (преклоняя колѣни).

Позволь мнѣ, царь, просить съ бла-
гоговѣньемъ

Любви прекрасной дочери твоей!

Алмазь (презрительно взглянувъ на него).

Надѣюсь, царь, ты полагаешь самъ,
Что буду я царевною отмѣченъ!

Колокольчикъ (поднимаясь съ ко-
лѣнъ).

Не знаю, какъ я буду встрѣченъ—
Но сердце я сложилъ къ ея ногамъ!

Милосвора (тихо поднимаясь съ мѣста).
Привѣтъ мой вамъ! Я слушать васъ
готова...

Но раньше — вамъ хочу сказать два
слова:

Я одного должна избрать изъ васъ:
Моя судьба рѣшается сейчасъ.

Ты, юный принцъ, и ты, блестящій
воинъ—

Обоихъ васъ я вижу въ первый разъ.
Не знаю — кто руки моей достоинъ?
Кому согласье, а кому отказъ?

Такъ расскажите-жъ честно вы мнѣ
сами:

Что ждетъ меня въ грядущей жизни
съ вами?

Алмазь (выступая впередъ).

Я—принцъ Алмазь! Въ моей странѣ
Все блещетъ золотомъ, камнями,

Сверкаетъ яркими огнями

Въ подземной странной тишинѣ.

Я—принцъ Алмазь! Мнѣ всѣ под-
властны!

Я счастливъ—всѣ кругомъ несчастны.

Мои рабы тяжелый трудъ

Для одного меня несутъ...

Мгновенья отдыха не зная,

Они, изъ-подъ земной коры

Кровавымъ потомъ добывая,

Несутъ мнѣ новые дары...

Но пусть страдаютъ и трепещутъ:

До нихъ—не будетъ дѣла намъ!

Вокругъ тебя огни заблещутъ

И золотой возстанетъ храмъ.

И, точно царской цѣпи звенья,

Всѣ драгоценные каменья,

Всѣ—брошу я къ твоимъ ногамъ.

(Свита его склоняется передъ ней).

Ц а р е в н а.

А это—кто?

Алмазь.

Рабы мои, царевна!

Опаль.

Тайной мерцаетъ, маня и дразня,
Блескъ мой измѣнчивый, пламень
неясный...

Люди давно называютъ меня:

«Камень опасный».

Кто моей власти зловѣщей подпаль—
Тотъ берегись неудачи ужасной...

Я—провозвѣстникъ несчастья—опаль,
Камень опасный! (Царевна вздрагиваетъ).

С а ф и р ь.

Въ насъ синій блескъ лазури скрытъ,
Мы отражаемъ краски неба...

Но часто тотъ, кто насъ гранитъ,

Самъ не имѣетъ корки хлѣба!

Въ рукахъ его, горя звѣздой,

Сафиры ясные сіяютъ...

И бѣдняка съ его нуждой

Такъ равнодушно озаряють!
Жемчугъ (протягивая ей ожерелье).
Я—жемчугъ безцѣнный, я—роскошь
морей,
Блещу и сію въ коронахъ царей!
Мнѣ родиной служить морская волна,
Добыть меня трудно съ глубокаго дна.
Чтобъ царскіе мною украсить вѣнцы,
Отважные гибнуть въ пучинѣ пловцы.
И многимъ я смерть роковую принесъ,
За то и считаюсь я вѣстникомъ слезъ!
(Царевна съ ужасомъ отбросила его ожерелье
и въ испугѣ жметъ къ царицѣ, но та не
замѣчаетъ ея испуга).

Ц а р и ц а.

О, дочь моя! Какое обольщенье!
И золото, и цѣнные каменья —
Богатство міра—все къ твоимъ ногамъ.
Ему тебя я съ радостью отдамъ!
Миловзора (къ царю, вся дрожащая).
Отецъ мой добрый, что-же ты мнѣ
скажешь?

Ц а р ь.

Нѣтъ—за богатствомъ не гоняюсь я:
И раньше, чѣмъ себя навѣкъ ты свя-
жешь,

Еще послушай, милая моя.

(Дѣлаетъ знакъ принцу Колокольчику).

Колокольчикъ (подъ тихую музыку).

Я—принцъ Колокольчикъ,
Живу межъ цвѣтовъ,
Подъ сѣнью деревьевъ
Дворецъ мнѣ готовъ.
Дворецъ мой прекрасенъ!
Послѣдуй за мной:
Сама ты полюбишь
Дворецъ мой большой.
Въ немъ куполь—изъ ясной
Небесъ синевы,
Ковры въ немъ—изъ нѣжной
Зеленой травы.
Навстрѣчу намъ грянуть
Свой гимнъ соловьи,
И музыка листьевъ,
И шопотъ струи.
Небесныя звѣзды
Къ намъ будутъ смотрѣть,
И куполь весь будетъ

Огнями горѣть!
Тамъ будемъ съ тобою
Мы счастливо жить,
Другимъ утѣшенье
И радость дарить.
Пусть тотъ, кто несчастенъ,
Къ намъ смѣло придетъ:
Покой и радушье
У насъ онъ найдетъ.
Его освѣжимъ мы
Водой изъ ручья...
Его убаюкаетъ
Пѣснь соловья.
И будутъ страдальцу
Тамъ сниться цвѣты,
И ты, ихъ царица,
О, милая, ты!
(Свита его склоняется передъ ней).

М и л о в з о р а.

А это—кто?

К о л о к о л ь ч и к ъ.

Друзья мои, царевна!

Р о з а.

Зовутъ меня розой, царицей цвѣтовъ,
За цвѣтъ и за запахъ моихъ лепестковъ!
Я роза, подруга душистой весны...
Со мной расцвѣтаютъ и лѣтніе сны.
Поэты слагаютъ мнѣ пѣсни свои,
Всю ночь обо мнѣ лишь поютъ соловьи:
Я роза—царица и пѣсень, и грезь...
Безъ розы нѣтъ лѣта, нѣтъ счастья
безъ розъ! (Отдаетъ ей букетъ).

С и р е н ь.

Я—спутница весны, душистая сирень,
Равно доступная и сѣверу, и югу...
Вы у царя въ саду мою найдете сѣнь,
И рада бѣдную украсить я лачугу.
Я—скромная сирень, но всѣмъ равно
мила,
И, глядя на меня, поддавшись уми-
ленью,
Всѣ съ радостью твердятъ «весна,
весна пришла
съ своею вѣстницей—душистою си-
ренью!» (Отдаетъ ей ворохъ сирени).

О д у в а н ч и к ъ.

Цвѣточекъ скромный, незамѣтный,

Своею тихой простотой—
Я—для дѣтей цвѣтокъ завѣтный,
Я—одуванчикъ золотой!
Но я нисколько не горюю,
Что не красивъ и не могучь...
Мою коронку золотую
Равно цѣлуетъ солнца лучъ,
Какъ и цвѣты роскошной розы,
Какъ и цвѣты сквозной мимозы
Съ ихъ горделивой красотой...
Я—одуванчикъ золотой! (Надѣваетъ на
нее цѣпь изъ одуванчиковъ).

А л м а з ь.

О, нищій принцъ, чѣмъ онъ ее плѣ-
няетъ!

Ц а р и ц а.

Однако, мнѣ терпѣнье измѣняетъ:
И это—принцъ? Царь, что-же ты мол-
чишь?
Вотъ такъ дворець! Ха-ха! Лѣсная
тишь,
Ручьи, цвѣты, и звѣздочки, и тишь,
И соловьи... И, вѣрно,—корка хлѣба?
П р и д в о р н ы е.

Прочь, жалкій принцъ, съ твоею
свитой—прочь!
Что-жъ ты молчишь, о, царь?

Ц а р ь (улыбаясь въ сѣдую бороду).

Что скажетъ дочь?..

Ц а р и ц а.

О, знаю я! Она въ негодованьи
Отвергнетъ это жалкое исканье!

А л м а з ь.

О, Миловзора, прелесть красоты—
Отвѣтъ ему на эту дерзость ты!

М и л о в з о р а (Колокольчику).

Что я скажу?.. Женихъ мой благо-
родный,
Твоимъ словамъ я радостно внемлю:
Тебѣ отвѣчу отъ души свободной—
Тебя люблю!

Не въ роскоши, я знаю, счастье наше—
А въ томъ, что мы, любя, другимъ
даемъ.

И ничего на свѣтѣ нѣту краше,
Какъ всѣхъ любить—и всѣхъ жалѣть
кругомъ.

Что бъ ни было—хоть буря и ненастье,
Твою судьбу я свято раздѣлю:

Мы будемъ жить—другимъ даруя
счастье... Тебя люблю!
(Протягиваетъ ему руку).

К о л о к о л ь ч и к ь.

О, Миловзора, радость взора,
Не сомнѣвался я въ тебѣ!

Ц а р и ц а.

Но онъ...

Ц а р ь (прерывая ее).

Не надо словъ укора!
Судьба вняла моей мольбѣ.

О, дочь моя, въ твоемъ отвѣтѣ
Свою узналъ я плоть и кровь...

Я васъ благословляю, дѣти,
На жизнь, на радость и любовь!

(Миловзора и Колокольчикъ, склонивъ колѣ-
ни передъ царемъ, принимаютъ его благо-
словеніе. Алмазъ уходитъ въ бѣшенствѣ).

А л м а з ь.

Я отомщу, и вы, вы оба

Въ своей раскаетесь судьбѣ! (Уходитъ).

К о л о к о л ь ч и к ь.

Передъ любовью гибнетъ злоба...

М и л о в з о р а (вслѣдъ Алмазу).

Мы не боимся! Миръ тебѣ!

(Колокольчику).

Мы будемъ жить, не зная горя...

К о л о к о л ь ч и к ь (обнимая ее).

Тебѣ всю жизнь я подарю!

(Обрученныхъ осыпаютъ цвѣтами, сердце ца-
рицы смягчается и она благословляетъ ихъ,
царь отъ радости плачетъ. Музыка).

Н а р о д ь.

Привѣтъ прекрасной Миловзорѣ
И слава доброму царю!

Г. Щепкина-Куперникъ.

УТРО.

Зеленый Человѣчекъ.

Рождественская сказка Г. А. Галиной.

Онъ родился на свѣтъ вмѣстѣ съ зеленой елкой, когда она крохотной щетинкой выползла изъ земли.

И Человѣчекъ былъ тогда крохотный, и весь зеленый, какъ маленькій жу-чекъ съ булавочную головку.

Щетинка окрѣпла и выпустила вѣточку съ иголками, иголки разраслись въ новыя вѣточки, и стала елочка молодымъ красивымъ деревомъ.

Чуть-чуть подросъ и Зеленый Человѣчекъ, но все-же былъ онъ не больше комара съ пресмѣшными зелеными усиками.

Лѣтнимъ утромъ, когда весь лѣсъ жилъ и радовался—Человѣчекъ радовался и веселился вмѣстѣ съ нимъ, а въ теплыя ночи сладко спалъ, закрывъ свои изумрудные глазки, на мягкой подстилкѣ изъ моха въ своей крохотной кельѣ на самой верхушкѣ елочки.

Однажды, когда утреннее солнышко разбудило Человѣчка, онъ живо выпрыгнулъ на зеленую вѣтку, смотреть—а на сосѣдней иголкѣ ужъ приютился желтый паукъ и развѣсилъ свою паутину.

— Ну, ну, братъ! Этого нельзя,—сказалъ Зеленый Человѣчекъ. — Я здѣсь не позволю тебѣ охотиться! Собирай-ка свою ловушку!

Но паучекъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

— Ахъ, ты скверная букашка!—разсердился Зеленый Человѣчекъ.—Сейчасъ убирайся, пока цѣль!

— Какъ же, такъ и уйду....—проворчалъ паукъ.—А не хочешь-ли вотъ чего?..—И паукъ протянулъ къ Зеленому Человѣчку свою лапу съ острыми когтями.

Но Человѣчекъ не испугался.

— Дратся такъ дратся!

Онъ сломалъ для себя острую, какъ пика, иглу съ елки и бросился на паука.

Видитъ паукъ, что не на труса напаль, и, сердито ворча, сталъ спускаться по паутинкѣ на землю.

А на сосѣдней вѣткѣ сидѣла блестящая муха и, поводя сіяющими крыльями, восторженно повторяла:

— Ахъ, какой храбрець, какой храбрець милый Зеленый Человѣчекъ! Хочешь я буду твоей подружкой?

Но Зеленый Человѣчекъ только размѣялся. Обидѣлась муха и улетѣла.

А желтый паукъ перебрался на сосѣдную елку. И слышитъ Зеленый Человѣчекъ—кто-то кричитъ тоненькимъ жалобнымъ голосомъ.

Зеленый Человѣчекъ бросился на голосъ—чуть голову себѣ не свернулъ второпяхъ. Видитъ—маленькая Зеленая Дѣвушка бьется и кричитъ, и вся она обмотана липкой паутиной, а желтый паукъ бѣгаетъ вокругъ.

— Погоди, разбойникъ!—крикнулъ Зеленый Человѣчекъ.

И такъ ударилъ паука по головѣ, что тотъ покатился съ вѣтки на землю и скрылся въ травѣ.

Тогда Зеленый Человѣчекъ принялся распутывать паутину, а Зеленая Дѣвушка, плача, рассказала ему, что паукъ незамѣтно подкрался къ ней, и зацѣпилъ ее паутиной за ея длинныя зеленыя косы и не хотѣлъ ни за что отпустить, какъ она ни молила. •

Потомъ она позвала Зеленаго Человѣчка въ свой домокъ подъ корой елочки, и былъ этотъ домокъ такой-же крохотный, какъ домикъ Зеленаго Человѣчка.

Угостила его Дѣвушка вкуснымъ медомъ изъ чистой чашечки ландыша.

— Будь моею подружкой!.. Я буду защищать тебя отъ пауковъ, а ты меня кормить сладкимъ медомъ...—сказалъ Человѣчекъ.

Такъ они и подружились.

Прошло лѣто, наступила осень. Зеленому Человѣчку хорошо жилось—была у него добрая подружка; и когда скучный осенній дождикъ хозяйничалъ въ лѣсу—Зеленый Человѣчекъ и Дѣвушка сидѣли въ домикѣ. Человѣчекъ рассказывалъ ей сказки, а она пѣла ему веселыя пѣсенки.

Но прошла и осень—пришла Зима, рѣдко видался Человѣчекъ со своей подружкой, напаль на него сонъ и спать онъ безпросыпно по цѣлымъ недѣлямъ.

Только разъ въ морозное утро проснулся онъ отъ треска и стука, выглянулъ изъ своей келійки и чуть не упалъ носомъ въ снѣгъ. Елочка, его родная елочка лежала срубленная на землѣ, а около нея ходило на двухъ ногахъ огромное чудовище—человѣкъ!

«Человѣкъ!»—съ ужасомъ подумалъ Зеленый Человѣчекъ.

Ему случалось видѣть людей только издали, и они казались ему страшными и смѣшными великанами—такъ они были огромны и неуклюжи.

Великанъ взялъ елочку на плечо и понесъ ее по лѣсной тропинкѣ, все дальше и дальше, а вмѣстѣ съ елочкой онъ уносилъ и Зеленаго Человѣчка.

Чтобъ не упасть и не замерзнуть, забрался Зеленый Человѣчекъ поглубже въ свою келью и только сквозь щелку поглядывалъ, что будетъ дѣлать великанъ

сь его родной елочкой. Долго великанъ шагаль по дорогѣ, такъ долго, что Зеленый Человѣчекъ вздремнулъ.

Проснулся онъ, когда кругомъ все было тихо и елочка стояла неподвижно, какъ въ родномъ лѣсу.

«Должно быть, ночь»,—подумаль Зеленый Человѣчекъ и осторожно приоткрыль дверцу.

— Гдѣ-же это онъ?

Елочка стоитъ на гладкихъ желтыхъ доскахъ въ зеленой кадкѣ съ пескомъ, а кругомъ все такое странное и незнакомое—какъ будто онъ въ огромной коробкѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ. И продѣланы въ ней два окна и смотритъ изъ нихъ мѣсяць съ ночного неба—и оттого въ коробкѣ свѣтло.

«Ага, это домъ великановъ!»—догадался Зеленый Человѣчекъ.

И вдругъ увидѣль у самой кадки сидитъ большая сѣдая крыса и смотритъ прямо на него!

Зеленый Человѣчекъ былъ не трусливъ, и умѣль ладить съ лѣсными мышами и крысами, а потому онъ ни чуточки не испугался и вѣжливо поклонился крысѣ.

Крыса была пожилая особа и любила почтеніе, какъ всѣ старики.

— Здравствуй, малыш!—ласково сказала она.— Откуда ты?

— Изъ лѣсу, госпожа крыса. А не расскажете-ли вы мнѣ, зачѣмъ и почему сюда принесли мою родную елочку?

— У людей праздникъ,—усмѣхнулась крыса—когда они празднуютъ, то дѣлають себѣ всякія удовольствія, совсѣмъ не думая о другихъ созданьяхъ... Вотъ они и рубяють елочки и ставятъ ихъ въ своихъ норахъ. А что будетъ потомъ—самъ увидишь... Только ничего хорошаго не обещаю тебѣ—отъ людей трудно ждать чего-нибудь хорошаго: кромѣ мышеловки да отравленнаго сала, ничего не дождешься, повѣрь мнѣ—я старая крыса, и видѣла кой-что на свѣтѣ!

Тутъ крыса испуганно повела носомъ и, взмахнувъ хвостомъ, исчезла въ темномъ углу комнаты.

«Что съ ней такое?»—не успѣль подумать Зеленый Человѣчекъ, какъ увидѣль большаго сѣраго звѣря съ круглой мордочкой и пушистымъ хвостомъ. Онъ походилъ на бѣлку, но былъ гораздо больше ея.

Звѣрь важно и беззвучно подошелъ къ елочкѣ.

— Фу, какъ крысинымъ духомъ пахнетъ!—проворчалъ звѣрь, щуря огромные желтые глаза.

— Ага, вотъ и елочка!

Звѣрь понюхаль вѣточку и чихнулъ.

Зеленому Человѣчку захотѣлось поговорить съ нимъ, вѣдь, это не человѣкъ!

Но отворилась большая дверь и оттуда выглянула голова дѣвочки-великанши.

— Кись-кись, поди сюда, котикъ!—нѣжно позвала она, и сѣрый звѣрь неохотно повернулся и вышелъ за дверь.

И стало опять тихо-тихо, только гдѣ-то за печкой шуршали, какъ будто шептались тараканы.

У Зеленаго Человѣчка стали слипаться глаза и онъ крѣпко заснулъ.

И снился ему родной лѣсъ и маленькая Зеленая Дѣвушка.

Веселый шумъ разбудилъ его.

Зеленый Человѣчекъ поглядѣль въ щелку. Вотъ такъ штука! Вся елка разукрашена, какъ будто звѣздами, и горять на ней огоньки и качаются разно-

цвѣтныя фигурки, и звѣрки, и шарики, и золотыя сосновыя шишки, и красивыя коробочки.

И какъ будто золотымъ дождемъ осыпаны вѣтки зеленой елочки.

Не сонъ-ли это?

А вокругъ елочки шумять, бѣгаютъ, смѣются дѣти великановъ, а на столѣ лежать горы гостинцевъ, и стоитъ среди нихъ смѣшной деревянный человѣкъ—кукла, съ огромнымъ раскрытымъ ртомъ и перомъ на шляпѣ. А дѣти кладутъ ему въ ротъ орѣхи:—Кракъ! и орѣхъ пополамъ!..

Горятъ разноцвѣтныя свѣчи на елочкѣ и отъ нихъ идетъ такой жаръ, какъ будто палитъ лѣтнее солнце,—уф! Задохнуться можно.

Зеленому Человѣчку захотѣлось пить. Но гдѣ достать воды? Онъ видѣлъ, какъ дѣти великановъ пили изъ такихъ огромныхъ чашекъ, что Зеленый Человѣчекъ могъ-бы въ нихъ даже утонуть.

Но вотъ догорѣли свѣчи, и стали гаснуть одна за другой.

Дѣти ушли изъ комнаты, и елочка осталась одна. И слышалъ Зеленый Человѣчекъ, какъ она вздыхала въ темнотѣ.

— О чемъ ты вздыхаешь, милая елочка?—спросилъ онъ, прижимаясь къ ея жесткой, смолистой корѣ.—Смотри, какая ты нарядная, какъ будто всѣ звѣзды неба сошли на тебя.

— Тяжело мнѣ...—шепнула печально елочка.— Я слышу, какъ уходитъ изъ меня жизнь и сохнуть мои вѣтки... Никогда не увижу я родного лѣса!

Но Зеленый Человѣчекъ не могъ этому повѣрить:

— Чтобъ его елочка умерла? Нѣтъ, нѣтъ! Это такъ ей кажется!

Тутъ взошелъ за окномъ мѣсяцъ и опять стало свѣтло, какъ днемъ.

Тогда пришли двѣ маленькія сѣрыя мышки и сѣдая крыса.

— Попируемъ сегодня,—сказала она, проворно взбираясь по столовой ножкѣ.

За ней полѣзли и мышки.

— Шоколадъ! Вотъ это лучше всего!—радно запищали онѣ.

— А мнѣ-бы вотъ капельку воды!—подумалъ Зеленый Человѣчекъ.

И сталъ потихоньку спускаться по вѣткамъ.

Его замѣтила сѣдая крыса.

— Спускайся сюда поближе, малышъ! Не бойся, угощенья на всѣхъ хватить.

А мышки хихикали:

— Пожалуйте, намъ веселѣе будетъ!

Зеленый Человѣчекъ спустился по вѣткѣ внизъ, а потомъ пришлось взбираться на столъ. Но Зеленый Человѣчекъ умѣлъ хорошо лазить, и скоро очутился среди гостинцевъ.

А вотъ и чашки великановъ!

— Чай это!—объяснила крыса.—Люди пьютъ его съ сахаромъ, тогда вкусно.

Зеленый Человѣчекъ усѣлся на край чашки и попробовалъ—ему понравился сладкій чай, онъ напомнилъ ему лѣсной медъ.

— Бумъ-б-умъ!

— Вотъ и двѣнадцать часовъ. Теперь начнется настоящее веселье!—сказала крыса.

Послышался шумъ подъ елкой. Это выскочили изъ коробки оловянные солдатики, ихъ было цѣлое войско.

Деревянные лошадки скакали, игрушечные пушки стрѣляли, а маленькій органчикъ заигралъ веселый танецъ.

— Не хотите-ли орѣшковъ?—спросилъ щелкунъ Зеленаго Человѣчка, улыбаясь своимъ огромнымъ ртомъ. Онъ сидѣлъ на столѣ и быстро грызъ орѣхи, но теперь онъ грызъ ихъ для своего удовольствія.

Двѣ красавицы-куклы болтали другъ съ другомъ на игрушечномъ диванѣ. Онѣ были такія большія и важныя и такъ походили на настоящихъ людей.

А на самой серединѣ стола находился маленькій дворецъ и тамъ на балконѣ стояла крохотная куколка, такая хорошенькая, и на головѣ у нея была корона,—конечно, это была принцесса. Вокругъ дворца ходили оловянные солдатики, отдавали честь принцессѣ и кричали ура!

А она кивала головой и улыбалась.

Какъ разъ тутъ-то она и увидѣла Зеленаго Человѣчка.

— Подите сюда, Зеленый принцъ!—махнула она ему рукой.

Зеленый Человѣчекъ разсмѣялся:

— Я—не принцъ! Я просто—лѣсной Человѣкъ съ елки.

— Прекрасно!—сказала принцесса.—Брось свою елку, ты будешь жить у меня во дворцѣ.

Но Зеленый Человѣчекъ опять разсмѣялся:

— Ну, нѣтъ! Мнѣ скучно будетъ въ твоёмъ бумажномъ дворцѣ, принцесса...

— Но ты будешь принцемъ, настоящимъ принцемъ! И всѣ оловянные солдатики будутъ кричать тебѣ—ура! И я подарю тебѣ мою золотую корону.

Но Человѣчекъ только тряхнулъ зелеными кудрями.

— Нѣтъ, принцесса!.. Въ лѣсу, въ родномъ лѣсу осталась моя подружка, Зеленая Дѣвушка, она ждетъ меня и тоскуетъ. Я долженъ вернуться къ ней, и мнѣ не надо твоей золотой короны.

Тогда принцесса разсердилась и закричала:

— Эй, стража! Арестовать этого дикаря и запереть его въ деревянной коробкѣ!..

Но тутъ вступился щелкунчикъ:

— Полно глупить, принцесса. Не надо ссориться и подражать людямъ... Вѣдь, мы только игрушки, добрыя веселыя игрушки!..

И щелкунъ вдругъ перекувыркнулся черезъ голову, да такъ ловко, что сама принцесса разсмѣялась, а всѣ оловянные солдатики тоже встали на голову и перекувыркнулись.

Сѣдая крыса весело хлопала хвостомъ, сѣрыя мышки хихикали и шептались.

Но Зеленому Человѣчку было не до веселья—ему не хватало чистаго, лѣсного воздуха, родныхъ деревьевъ; задумчивыхъ звѣздъ и маленькой Зеленой Дѣвушки.

А когда игрушки принялись танцевать подъ веселую музыку органчика, онъ потихоньку спустился со стола и забрался въ свою келью. Тамъ онъ зарылся въ мягкій мохъ и тихонько плакалъ, пока не уснулъ...

А на другой день вечеромъ опять горѣли на елкѣ яркія свѣчи и дѣти великановъ прыгали и радовались и заставляли щелкунчика щелкать орѣхи.

Но вотъ свѣчи стали догорать, дѣти набросились на елку и со смѣхомъ стаскивали ея красивый уборъ—сняли все: и звѣздочки, и фонарики, и румяныя яблоки, и блестящія шоколадныя фигурки.

И осталась елочка обдерганная съ поломанными вѣтками и осыпавшейся хвоей; а дѣти ушли и унесли съ собой игрушки и гостинцы.

— Ну, вот и конченъ праздникъ...—сказала старая крыса, собирая подь елкой обломки пряника.

— Ты гдѣ, зеленый малышъ? —позвала она.—Какъ думаешь устроиться, когда твою елочку выбросятъ на дворъ?

Зеленый Человѣчекъ очень удивился:

— Мою елочку! На дворъ? Зачѣмъ-же тогда ее срубили и принесли сюда?

— Развѣ я не говорила тебѣ, что люди сдѣлали это для своего удовольствія? А теперь елочка умретъ и будетъ валяться въ сору. Перебирайся ко мнѣ въ норку, ты храбрый малышъ и будешь мнѣ вмѣсто сына.

Но Зеленый Человѣчекъ только грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, добрая крыса! Я не оставлю свою елочку, пока въ ней есть хоть капля жизни... Я буду съ ней до конца, а тамъ будь что будетъ. Но жить въ подпольѣ безъ свѣта солнышка я не могу, я лучше замерзну вмѣстѣ съ моей елочкой...

— И совѣмъ напрасно!—проворчала крыса.—Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, живи своимъ умомъ.

И она ушла въ свою нору.

А елочка только тихо вздыхала, роняя сухія иголки.

На другой день пришелъ какой-то великанъ съ рыжей бородой, онъ вынесъ елочку на дворъ и воткнулъ ее въ снѣгъ у забора.

И снова надъ елочкой былъ небесный просторъ, но она уже не могла ему радоваться—она сохла и умирала съ каждымъ днемъ.

И Зеленый Человѣчекъ чувствовалъ, прижимаясь къ ея корѣ, какъ уходили ея жизненныя силы.

Онъ дрожалъ отъ холода въ своей кельѣ—зарывался въ мохъ, прыгаль и скакалъ, чтобы согрѣться.

Наконецъ, онъ рѣшился выглянуть на дворъ.

— Ухъ, какой морозъ! Такъ и охватилъ его со всѣхъ сторонъ.

— Пррре-кrrрас-ная погода! —каркнулъ на березѣ старый воронъ.—А все-же хотѣлъ-бы я лучше сидѣть въ моемъ родномъ лѣсу...—прибавилъ онъ. Старый воронъ любилъ поговорить самъ съ собою.

— А скажите, отсюда далеко до лѣса?—прокричалъ со всѣхъ силъ Зеленый Человѣчекъ.

Воронъ съ удивленіемъ наклонилъ голову и своими острыми глазами принялся разглядывать крохотную, жалкую фигурку на засохшей елкѣ.

— Эге, букашка, да ты откуда явилась?—добродушно каркнулъ онъ.

— Изъ лѣса, я изъ лѣса.... —дрожа отъ холода, твердилъ Зеленый Человѣчекъ.—Изъ большого милаго зеленого лѣса, гдѣ, вѣроятно, родились и вы, старый почтенный воронъ?.. Вмѣстѣ съ елочкой принесли насъ люди сюда и вотъ выбросили на дворъ умирать!..

— Охъ, ужъ эти люди, люди!—проворчалъ воронъ.—Ну, вотъ что, землячекъ... Придется мнѣ видно тебѣ помочь: садись ко мнѣ на спину и полетимъ!.. Соскучился и я по моей старой соснѣ... Пора побывать въ родныхъ мѣстахъ!..

— Милый добрый воронъ!—Зеленый Человѣчекъ чуть не плакалъ отъ радости.—Только я попрощаюсь съ моей бѣдной елочкой.

И онъ прижался въ послѣдній разъ къ ея высохшей холодной корѣ. И вдругъ слышитъ онъ умирающій голосъ елочки:

— Одно зернышко, одно зернышко мое возьми и снеси родной землѣ въ родномъ лѣсу!..

— Исполню, милая елочка, — сказала со слезами Зеленый Человѣчекъ, и, отыскавъ на вѣткѣ уцѣлѣвшую шишку, а въ ней крохотное зернышко, спряталъ его на груди.

А старый воронъ уже спустился и сѣлъ на засохшую вѣтку елки.

— Пора и въ путь! — сказалъ онъ, расправляя крылья.

Зеленый Человѣчекъ вскочилъ ему на спину и зарылся въ мягкія перья. Однимъ сильнымъ взмахомъ, воронъ высоко поднялся на воздухъ и полетѣлъ. Шибко замирало сердце Зеленаго Человѣчка отъ радости и отъ страха — вѣдь, онъ еще никогда не леталъ!

— Ну, вотъ и нашъ родной лѣсъ! — вдругъ каркнулъ воронъ, опускаясь. — Теперь гляди въ оба, гдѣ твои родныя деревья, а то заблудишься и пропадешь.

Выглянулъ Зеленый Человѣчекъ, и какъ разъ замѣтилъ огромную вѣковую елку, что расла неподалеку отъ срубленной елочки.

— Здѣсь, здѣсь моя родина, дѣдушка воронъ! — радостно закричалъ онъ. — Спустите меня вонъ на ту зеленую елочку.

И воронъ опустил на верхушку молодой елочки.

Зеленый Человѣчекъ прыгнулъ и поцѣловалъ стараго ворона прямо въ клювъ:

— Прощай, дѣдушка! Прощай, добрый дѣдушка!

— Прощай, букашка! — весело каркнулъ ему старый воронъ и улетѣлъ.

А Зеленый Человѣчекъ скользнулъ прямо по вѣткамъ къ знакомой кельѣ и тихо постучалъ въ дверцу:

— Здѣсь-ли моя милая подружка?

Быстро раскрылась дверца, и Зеленая Дѣвушка выскочила и бросилась къ нему на шею.

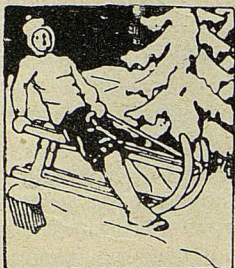
И рассказалъ ей Зеленый Человѣчекъ все, что съ нимъ случилось.

А такъ какъ теперь у него не было своей елочки, то зажили они вмѣстѣ въ одной кельѣ Зеленой Дѣвушки.

И хоть было тамъ тѣсновато, но они жили, да радовались, потому что любили другъ друга, и никогда не ссорились. Ну, да, вѣдь, они были не люди, а просто зеленые человѣчки изъ лѣсу.

А зернышко отъ погибшей елки они зарыли въ землѣ и ждутъ, когда народится новая елочка, а съ нею и новый Зеленый Человѣчекъ.

Г. Галина.

Празднованіе Новаго года у древнихъ народовъ.

Не всѣ древніе народы праздновали наступленіе Новаго года 1-го января, какъ мы. Естественное начало года безспорно—весна, когда земля просыпается отъ долгаго сна, когда въ поляхъ травы и цвѣты пускають свѣжіе ростки, когда деревья одѣваются молодой зеленью. Но это обновленіе природы въ различныхъ широтахъ бываетъ въ различные мѣсяцы. Вотъ почему Новый годъ праздновался у однихъ народовъ въ январѣ или въ февралѣ, у другихъ—въ мартѣ, апрѣлѣ или маѣ.

В а в и л о н я н е вели лѣтосчисленіе по луннымъ мѣсяцамъ, но знали также и солнечный годъ въ 365 дней и 4 часа. Нѣкоторые мѣсяцы были въ 30, другіе въ 29 дней. Религіозный годъ начинался мѣсяцемъ *нисаанну*, первое число котораго приходилось въ весеннее равноденствіе (9-го марта); гражданскій-же годъ считался съ мѣсяца *тизейту*, т.-е. съ осенняго равноденствія (11-го сентября).

Е в р е и ведутъ лѣтосчисленіе по луннымъ мѣсяцамъ, но, чтобы не отставать отъ солнца, вводятъ одинъ лишній мѣсяць. Такъ какъ 235 лунныхъ мѣсяцевъ составляютъ 19 солнечныхъ лѣтъ, то изъ каждыхъ 19 лѣтъ—12 лѣтъ простыхъ по 12 мѣсяцевъ и 7 лѣтъ—високосныхъ по 13 мѣсяцевъ. Тринадцатый мѣсяць, который вставляется послѣ послѣдняго мѣсяца адара, называется *адарь-батраа* (слѣдующій). Еврейскія названія мѣсяцевъ происходятъ отъ вавилонско-ассирійскихъ. Не такъ давно, при раскопкахъ Ниневіи, была найдена таблица съ ихъ обозначеніемъ. Эта таблица показываетъ, что названія мѣсяцевъ, употребляющіяся у евреевъ, а также прибавленіе тринадцатаго мѣсяца въ концѣ года существовало у вавилонянъ и ассиріянъ уже въ глубокой древности. Моисей называлъ первый мѣсяць въ году не *нисаномъ*, какъ другіе восточные народы, но *абибомъ*, т.-е. мѣсяцемъ колосьевъ и жатвы (съ половины марта до половины апрѣля), потому что въ этомъ мѣсяцѣ созрѣвали колосья и происходила жатва.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, праздновался праздникъ Пасхи и Моисей постановилъ приношеніе въ жертву Іеговѣ первыхъ колосьевъ 1-го абиба; этотъ мѣсяць долженъ былъ считаться первымъ въ году. Въроятно, впрочемъ, евреи различали религіозный годъ и гражданскій. Церковный годъ начинался нисаномъ (мартъ—апрѣль), а гражданскій—осенью, съ перваго числа мѣсяца *тишри* (сентябрь—октябрь); и въ настоящее время евреи празднуютъ Новый годъ въ сентябрѣ, но первый мѣсяць считается все-таки весной.

У е г и п т я н ъ мы находимъ солнечное лѣтосчисленіе. Годъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ по 30 дней и къ концу послѣдняго мѣсяца прибавлялось еще 5 дней. Геродотъ сообщаетъ, что: «Египтяне первые изъ всѣхъ народовъ изобрѣли годъ, который они раздѣлили по временамъ года на 12 частей. Они утверждаютъ, что узнали это по звѣздамъ. По моему мнѣнію, египтяне поступаютъ въ этомъ гораздо умнѣе, чѣмъ эллины, которые черезъ каждые три года прибавляютъ лишній мѣсяць, между тѣмъ какъ египтяне придерживаются 12-ти мѣсяцевъ по 30 дней и въ концѣ каждаго года прибавляютъ еще 5 дней; такимъ образомъ смѣна временъ года и въ новомъ году идетъ у нихъ точно такъ же, какъ и въ старомъ, приходится на тѣ же мѣсяцы».

Праздникъ Новаго года у египтянъ начинается въ мѣсяцѣ *тотъ* (іюль), когда прорывается плотина и начинается настоящее наводненіе.

Г р е к и вели свое лѣтосчисленіе по луннымъ мѣсяцамъ. Ихъ годъ состоялъ изъ 6-ти мѣсяцевъ въ 30 дней и 6-ти въ 29 дней. Но, чтобы этотъ годъ въ 354 дня согласовать съ солнцемъ, время отъ времени приходилось вставлять цѣлые мѣсяцы. Отсюда произошли періоды въ 8 лѣтъ, по которымъ назначались и олимпійскія празднества. Къ восьми луннымъ годамъ прибавлялись 3 полныхъ мѣсяца, каждый въ 30 дней, и именно къ третьему, къ шестому и къ восьмому году. Первый мѣсяць назывался *гекатомбѣонъ*, потому что Аполлону, какъ богу солнца, который во время лѣтняго солнцестоянія больше всего проявляетъ свою отчасти благодѣтельную, отчасти разрушительную власть, приносились праздничныя *гекатомбы* (жертвоприношеніе въ 100 быковъ).

Р и м л я н е начинали свой годъ съ 1-го января. Они праздновали въ этотъ день праздникъ *Януса* и, кромѣ того, считали его главнымъ днемъ своихъ *сатурналій*¹⁾. Янусъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ боговъ римлянъ. Первоначально онъ былъ богомъ солнца, отъ котораго зависитъ ходъ и порядокъ явленій природы, которые ведетъ за собой годъ, мѣсяцы и дни, богъ года и времени. Каждое утро жрецы зывали къ нему, какъ къ стражу небесному, ко-

¹⁾ Сатурналіи—народныя римскія празднества, установленныя въ воспоминаніе золотого вѣка царствованія Сатурна, за 494 г. до Р. Х.

торый открываетъ ни закрываетъ врата небесныя. Въ первый день мѣсяца ему приносили въ жертву вино, фрукты, финіамъ. Первый мѣсяць года былъ названъ его именемъ и исключительно ему посвящался. Въ первый день этого мѣсяца консулы вступали въ свою должность; ко всевозможнымъ торжествамъ присоединялось торжественное и красивое шествіе консуловъ въ капитолій. Такимъ образомъ, не только во всемъ городѣ, но повсюду въ Италіи и въ провинціяхъ, гдѣ уже установились римскіе обычаи, первое января праздновалось въ честь стараго бога; всѣхъ одушевляла надежда на новое счастье, на счастливый исходъ всякаго начинанія. Какъ только занимался этотъ день, всѣ, отъ мала до велика, молили бога Януса о томъ, чтобы онъ послалъ какое-нибудь знаменіе ожидаемаго благополучія. Въ этотъ день всѣ избѣгали спора, всякаго недоразумѣнія, такъ какъ по римскому повѣрью во всякомъ дѣлѣ главнѣе всего необходимо было хорошее начало. Говорили только доброе и прекрасное, что считалось счастливымъ предзнаменованіемъ на будущій годъ, привѣтствовали другъ друга пожеланіями счастья и обмѣнивались подарками, которые могли-бы означать предсказаніе счастья, чего-нибудь хорошаго или добраго начала. Въ особенности любили дарить такъ называемыя *strenae* (печенья, фрукты, золото и драгоценности), такъ какъ все это могло служить хорошимъ предзнаменованіемъ. Слѣды этихъ подарковъ сохранились понынѣ во французскихъ *etrennes*, т.-е. подарковъ на Новый годъ, преимущественно дѣтямъ.

Утромъ 1-го января двери всѣхъ домовъ Рима украшались лавровыми вѣтвями, вѣнками и коврами. Второй день каждаго мѣсяца считался несчастнымъ, тяжелымъ днемъ, какъ у насъ говорятъ. Календарь сначала составлялся подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ жрецовъ.

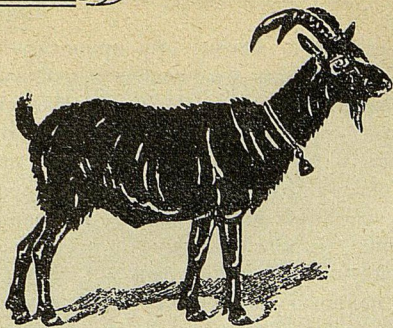
Естественнымъ началомъ года былъ прежде мѣсяць мартъ, получившій свое названіе отъ бога войны Марса, и мѣсяцы считались съ марта. Слово «апрѣль» происходитъ отъ слова *aperire* (открывать), потому что весна все открываетъ. Первое апрѣля посвящалось также чествованію Венеры, такъ какъ она считалась вообще богиней весны. Май былъ названъ по имени богини Майи, іюнь—богини Юно, іюль называется такъ въ честь Юлія Цезаря, но назывался также Квинтиль, т.-е. пятый мѣсяць послѣ марта; августъ—въ честь императора Августа, а также Секстиль, т.-е. шестой мѣсяць; сентябрь—седьмой, октябрь—восьмой, ноябрь—девятый, декабрь—десятый. Январь—мѣсяць бога Януса; слово февраль—происходитъ отъ глагола *februare*, т.-е. очищать, потому что во второй половинѣ этого мѣсяца предпринималось очищеніе живущихъ и искупленіе умершихъ. Всѣ прегрѣшенія прошлаго года должны были быть смыты, чтобы можно было встрѣтить новый годъ во всей чистотѣ и съ полной радостью.

Мы видимъ отсюда, что названія нашихъ мѣсяцевъ заимствованы у римлянъ, но не всѣ они годятся для нашего лѣтосчисленія, такъ какъ январь сталъ первымъ мѣсяцемъ, а сентябрь—девятымъ.

Древніе персы праздновали начало года въ весеннее равноденствіе; они одѣвались такъ хорошо, какъ только могли, и крестьяне называли поэтому этотъ день праздникомъ новаго платья. Важные чиновники приносили пожеланія счастья и подносили подарки царю, такъ-же какъ подчиненные своимъ начальникамъ.

Годъ к и т а й ц е в ъ —лунный годъ, состоящій изъ мѣсяцевъ въ 30 и въ 29 дней; изъ каждаго 19 лѣтъ—7 лѣтъ високосныхъ въ 13 мѣсяцевъ, причѣмъ лишній мѣсяць вставляется не всегда между тѣми-же самыми мѣсяцами. Мѣсяцы не имѣютъ названій, а просто считаются по порядку, за исключеніемъ 13-го. Началомъ года издревле у китайцевъ считается новолуніе, бывающее около 12-го февраля, когда въ Китаѣ начинается весна. У китайцевъ новый годъ—одинъ изъ самыхъ большихъ праздниковъ. Уже за 10—12 дней ранѣе закрываются всѣ присутственныя мѣста и потомъ цѣлый мѣсяць чиновники устраиваютъ различныя празднества и развлеченія. Непосредственно передъ днемъ новаго года чистятся очаги въ честь домашняго бога. Въ полночь, когда кончается старый годъ, китаецъ беретъ благовонную ванну и одѣваетъ свое лучшее платье. Нѣкоторые члены семьи отправляются молиться къ своему домашнему алтарю, освѣщенному на случай возможно блестяще, другіе—въ храмъ. До зари китайцы то молятся, то сожигаютъ фейерверки. Съ наступленіемъ дня начинается обмѣнъ визитовъ, а дома украшаются транспарантами съ мудрыми изреченіями; бумага для этого должна быть того цвѣта, который соотвѣтствуетъ степени траура каждой семьи, т.-е. бѣлая, голубая, розовая, красная; кромѣ того, дома украшаются цвѣтами. Куда-бы вы ни пошли въ эти дни, всюду встрѣтите фейерверки, безъ конца.

Подарки также играютъ большую роль. Въ день новаго года, всякій китайскій городъ напоминаетъ Лондонъ по воскресеньямъ: всѣ лавки заперты, уличные торговцы исчезли, даже пѣшехода трудно встрѣтить. Обыкновенно веселые люди—и тѣ въ этотъ день въ высшей степени серьезны. И въ домѣ все идетъ также спокойно. Послѣ обѣда устраиваются или серьезныя игры или театральныя представленія. Такъ живутъ въ продолженіе трехъ дней.

КОТИКЪ И КОЗЛИКЪ.

КОМИЧЕСКАЯ ПЪСЕНКА.

Слова В. А. Жуковскаго. Музыка Н. Т. Манасевича.

Moderato

First system of the musical score. It features a vocal line in treble clef and piano accompaniment in bass clef. The time signature is 3/4. The key signature has one sharp (F#). The tempo is marked *Moderato*. The piano part includes dynamic markings *p*, *rit*, *mf*, and *f*. The vocal line begins with a *rit* marking and includes the instruction *a tempo*.

Second system of the musical score. The vocal line continues with the lyrics: "Тамъ котикъ усатый по садику бродитъ,". The piano accompaniment features triplets and dynamic markings *mf*, *rit*, and *p*.

Third system of the musical score. The vocal line continues with the lyrics: "А козликъ рогатый за котикомъ ходитъ;". The piano accompaniment includes triplets and dynamic markings *mf* and *rit*.

Тамъ котикъ усатый по садику бродитъ,
А козликъ рогатый за котикомъ ходитъ;

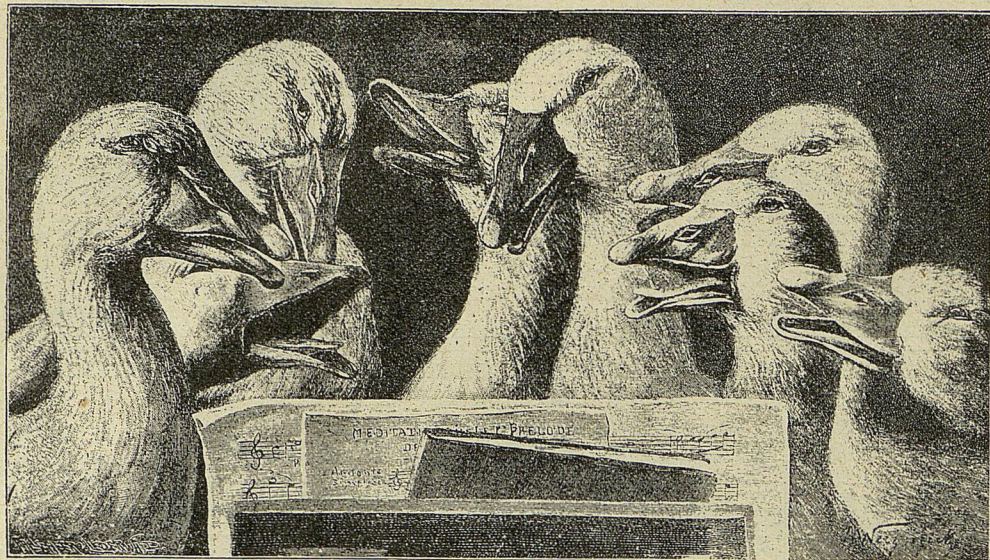
и лапochкой котик помадит ротик

ро-го-ро

козлик сьдою трясет боро-го-ро.

rit. dim. ppp.

И лапochкой котик помадит ротик,
А козлик сьдою трясет боро-го-ро.

ГЕСЕЛЫЙ ХОРЪ.

Игрушки-самодѣлки.

Копилка на новый годъ.

Чтобы не портить журнала, переведите всѣ части модели на картонъ и вырѣжьте каждую часть отдѣльно. Рис. 1 даетъ намъ общій видъ колодца. Слегка согните по тремъ чернымъ линиямъ рис. 2 и, прорѣзавъ щель на мѣстѣ жирной черты, склейте вмѣстѣ такъ, чтобы получилась нижняя часть колодца, состоящая изъ 4 стѣнокъ и сверху одной площадки съ пунктиромъ по краямъ. Такимъ-же образомъ склейте рис. 3, прорѣзавъ одну небольшую щель для ручки и круглое отверстіе для трубочки, наклейте эту верхнюю часть на

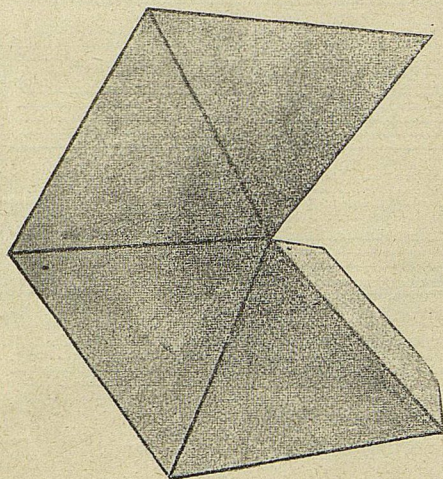

Рис. 4.

площадку съ пунктиромъ. Изъ толстой проволоки согните по рис. 6 ручку и прикрѣпите ее тонкой проволокой, которая въ видѣ оси проходитъ насквозь противоположной ручкѣ стѣнки. Затѣмъ по рис. 4 склейте крышу и покройте ею колодецъ. Рис. 5 склейте трубочкой и вклейте въ круглое отверстіе, готовый колодецъ наклейте на четырехугольную доску и выкрасьте акварельной краской. Закончивъ работу, вы будете имѣть хорошенькую копилку-колодецъ, на которой совѣтуемъ написать: «Въ пользу раненыхъ», «Семействамъ запасныхъ» или, вообще, «Жертвамъ войны» и откладывать въ нее для этой цѣли часть своихъ денегъ, прося дѣлать то же своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Рис. 6.

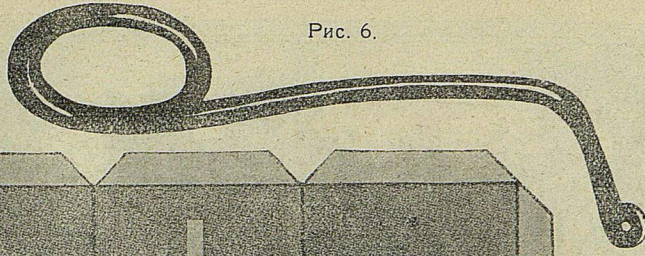

Рис. 3.

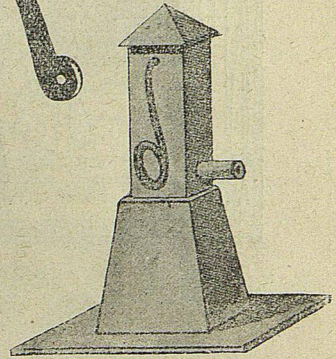
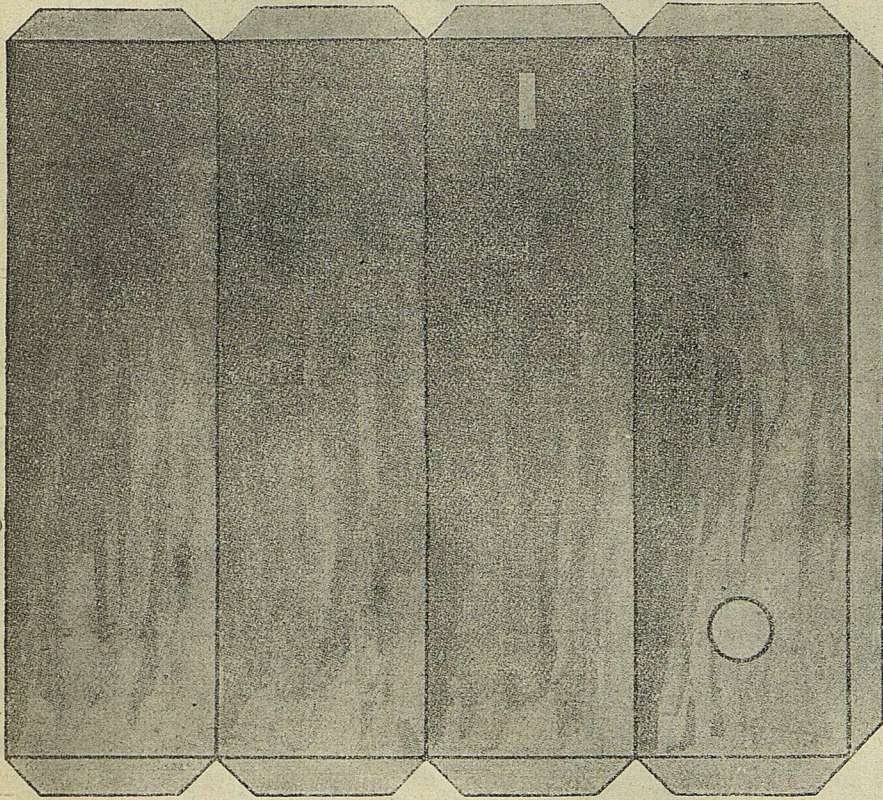

Рис. 1.

Рис. 5.

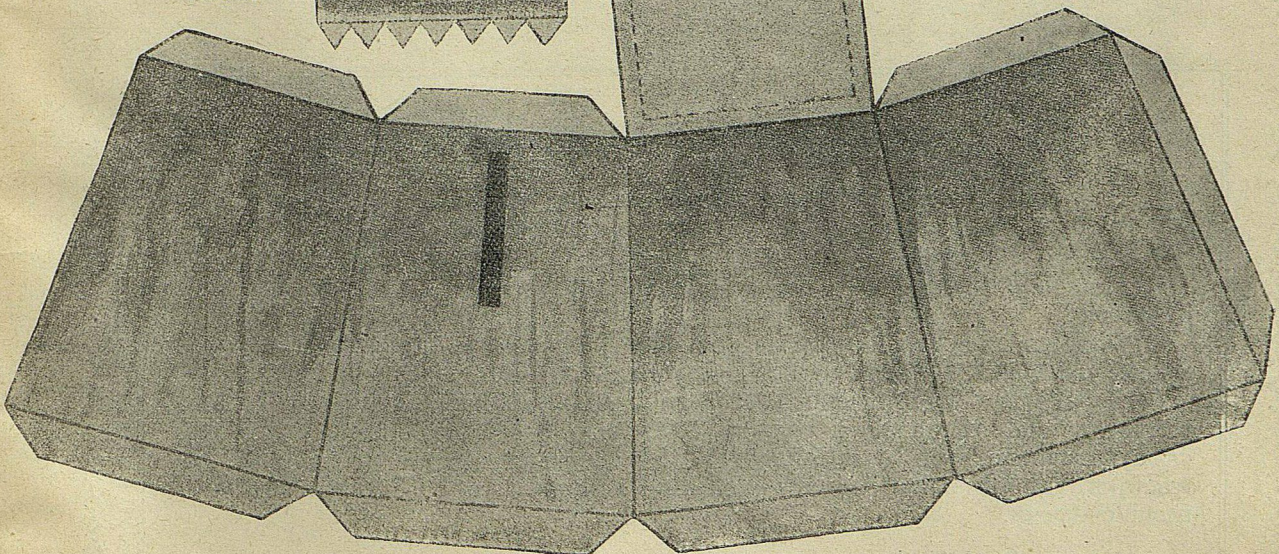
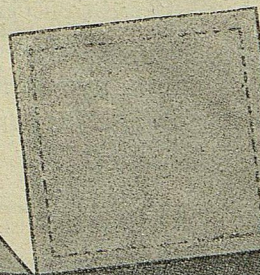
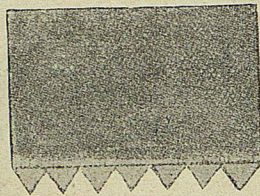
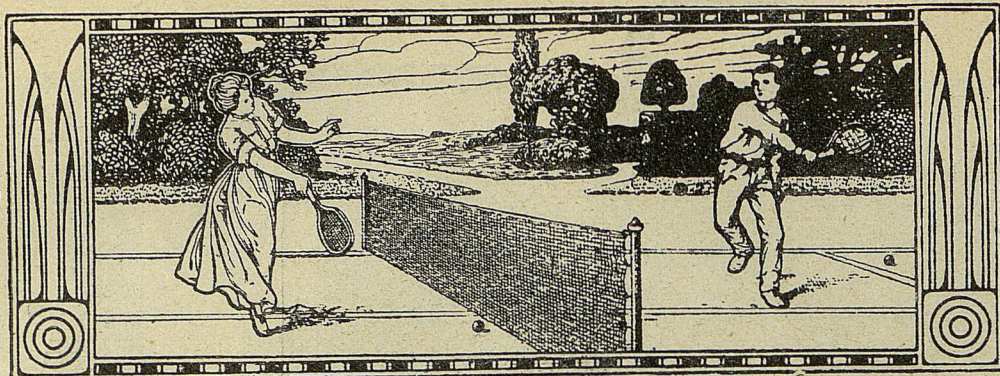

Рис. 2.

СОДЕРЖАНІЕ,

Выпускъ первый.

	Стр.
Молитесь, дѣти... Стихотвореніе Юрія Зубовскаго	2
Жаворонокъ. Стихотвореніе Вл. Юнусова	2
Не-нѣмка. Разсказъ И. Н. Потапенко	4
Для кого? Стихотвореніе П. Уральскаго	10
Пѣтушокъ. Стихотвореніе М. Пожаровой	10
Забытое слово. Разсказъ А. Коморской	11
Царевна Миловзора. Комедія-сказка, Соч. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	14
Зеленый Человѣчекъ. Рождественская сказка Г. А. Галиной	19
Празднованіе Нового года у древнихъ народовъ. Очеркъ	26
Котикъ и козликъ. Комическая пѣсенка. Ноты	28
Игрушки-самодѣлки. Копилка на новый годъ	30

КАРТИНЫ: 1) Хлѣбъ нашъ насущный. Картина въ краскахъ А. Цорна.
2) Урокъ куклѣ. Картина въ краскахъ С. Керъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- 1) 25 картонажей для украшенія елки, на 8-ми листахъ, для вырѣзыванія и склеиванія.
- 2) Счастливейшій въ мірѣ. (Счастливецъ). Картина въ краскахъ В. Циргаса.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми марками и необходимо прилагать свой прежній адресъ съ бандероли, безъ чего перемѣна не возможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію.

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ денегъ своевременно, высылка журнала немедленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какого-либо № журнала передаются въ почтамтъ для разслѣдованія и должны быть высылаемы не позже полученія слѣдующаго за нимъ очереднаго №. Неаккуратная доставка журнала, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений, должна быть разслѣдована самими подписчиками.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

1915 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на первый въ Россіи художественный журналъ
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ
съ роскошными картинами въ краскахъ
по образцу выдающихся иллюстрированныхъ изданій

МІРЪ КРАСОТЫ

ВЕЛИКОЛѢПНОЕ НАСТОЛЬНОЕ УКРАШЕНІЕ.

ДЕВИЗЪ ИЗДАНІЯ: *красивая жизнь, красота души, красота въ при-
родѣ, въ искусствѣ и во всемъ ея проявленіяхъ.*

Красота спасетъ міръ.
Ф. Достоевскій.

Широкіе отдѣлы журнала посвящены: изящной литературѣ (романы,
новеллы, рассказы), поэзій, живописи, музыкѣ, театру, скульптурѣ,
изящнымъ работамъ, спорту и художественной критикѣ.

ГРОМАДНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ И ПОРТРЕТОВЪ.
Въ каждомъ № ноты и новѣйшія моды.

Подписавшіеся на 1915 г. получаютъ (ежемесячно):

12 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКОВЪ-АЛЬБОМОВЪ иллюстрирован-
12 наго журнала, въ ИЗЯЩНЫХЪ, ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОБ-
ЛОЖКАХЪ, СЪ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ.
КНИГЪ СОБРАНІЯ ИЗБРАННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ЛЮБИ-
МЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Художественныя преміи:

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ съ ОТКРЫТЫМИ ПИСЬМАМИ,
въ красивомъ переплетѣ изъ дорогого англійскаго колленкора,
съ художественнымъ золотымъ тисненіемъ.

НАСТУРЦІИ.
Стѣнная картина въ краскахъ
художницы С. КЛЕЙНЪ.

ПОЛЕВЫЕ МАКИ
Стѣнная картина въ краскахъ
художника ФОНЪ-СИВЕРСЪ.

Большая, цѣнная стѣнная картина въ краскахъ „CREDO“.
Знаменитаго Размѣръ
художника Ф. Эрлиха **ВѢРУЮ, ГОСПОДИ!** картины
Стоимость картины въ художественныхъ магазинахъ 20 руб. 60 × 80 см.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На годъ, съ пере- на на 3
сылкой и доставкой **5 р.**; полгода **2 р. 50 к.**; мѣсяца **1 р. 50 к.**

Изданіе редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

Редакція журнала „МІРЪ КРАСОТЫ“,
Петроградъ, Невскій пр., 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Кофецкій.

1915 г.

Цѣнные подарки дѣтямъ!

3-й годъ
изданія

продолж. подписка на 1915 г. на двухнедѣльн.

РОСКОШН. ХУДОЖЕСТВЕН. ЖУРНАЛЪ

выдающихся произведеній ДѢТСКОЙ литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинами въ краскахъ, приложеніемъ книгъ и подарковъ дѣтямъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія. Путешествія. Историческіе очерки. Уроки домашняго хозяйства. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театр, лѣпка. Работы для мальчиковъ. Уроки вышиванія, вязанія, кройки и друг.— для дѣвочекъ. Научныя статьи. Бесѣды съ дѣтьми на религіозныя темы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растеній, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія. Задачи, шарады. Игрушки Дѣтскія моды.

БОЛЬШОЙ ОТДѢЛЪ ДѢТСКИХЪ ИГРЪ, РАЗВЛЕЧЕНІЙ И РАБОТЪ.

Постоянное участіе извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ.

ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1915 ГОДЪ ПОЛУЧАТЪ:

24 РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВ.
ВЫПУСКА Литературнаго и
Научнаго журнала ДЛѢ ДѢТЕЙ,
въ изящныхъ обложкахъ.

24 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАР-
ТИНЫ: въ краскахъ, на паспарту,
фототипія, автотипія и друг.
для ДѢТСКОЙ КОМНАТЫ.

12 КНИЖЕКЪ съ картинками:
РАЗСКАЗЫ для ДѢТЕЙ

ЗАБАВНУЮ СТѢННУЮ КАРТИНУ
ВЪ КРАСКАХЪ **СЧАСТЛИВЕЦЪ**
худ. В. Циргасъ.

!! ЦѢННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ !!

АЭРОПЛАНЪ БЛЕРЮ
модель изъ составныхъ частей для
склеиванія, на 4-хъ листахъ папки.

Точная **ГЛОБУСЪ** какъ научное
модель **ПОСОБІЕ**
для склеиванія изъ составныхъ частей
на 4-хъ листахъ папки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
Модель зданія для склеиванія, изъ
составныхъ частей, на 2-хъ листахъ.

МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Модель зданія для склеиванія изъ
составныхъ частей, на 4-хъ листахъ папки.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТРЪ.
Модель зданія для склеиванія, изъ состав-
ныхъ частей, на 4-хъ листахъ.

ДВИЖУЩАЯСЯ ИГРУШКА
АЛЬБОМЪ вырѣзныхъ изъ папки
ИГРУШЕКЪ - САМОДѢЛОКЪ.

ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

25 **КАРТОНАЖЕЙ** для УКРАШЕНІЯ ЕЛКИ
въ выдержанномъ древне-русскомъ стилѣ,
художественно исполненныхъ **ЗОЛОТОМЪ** и **КРАСКАМИ** на 8-ми листахъ
папки, для вырѣзыванія и склеиванія.

6 **КОМИЧЕСКИХЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ МАСОКЪ**
для дѣтскихъ костюмированныхъ вечеровъ.
Типичное исполненіе красками по рисункамъ БОКЛЕВСКАГО. 1. Петръ Пет-
ровичъ Пѣтухъ. 2. Кувшинное рыло. 3. Коробочка. 4. Довгочунъ. 5. Собака-
вичъ. 6. Капитанъ Копѣйкинъ.

5 рублей
на годъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ пересылк. 1 р., га
полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца
1 р. 25 к., на 1 мѣсяць—42 к.
Ред. журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, Петроградъ, Невскій, 114.

5 рублей
на годъ

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.